

И.П. Медведев

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ ЛЬВА ДИАКОНА

Одним из наиболее интересных и важных событий в европейской византистике начала XIX столетия было первое издание «Истории» одного из крупнейших византийских писателей X в. Льва Диакона, осуществленное знаменитым парижским эллинистом (немцем по происхождению) Карлом Бенедиктом Газе (1780–1864), по поручению и на средства русского канцлера графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826)¹. В основу издания была положена рукопись XII в., нынешний Paris. gr. 1712 (старый шифр: Bibl. du Roi 2563) – codex unicus не только для «Истории» Льва Диакона (ее текст содержится на листах 272 об.–322), но и для «Хронографии» Михаила Пселла², уже в XVII в. обративший на себя пристальное внимание ученых, один из которых (доминиканец Франциск Комбефис) даже выражал опасение, как бы какой-нибудь «немец или человек другой нации» (*Batavus aut gens alia*) не похитил у Франции славу издания Льва Диакона, что, как мы видим, и оправдалось частично лет через 150 (сам Газе, впрочем, прожив во Франции почти всю свою жизнь и вполне реализовавшись здесь как ученый, считал себя французом «*de coeur aussi bien que d'adoption*»)³.

Вкратце обстоятельства издания изложены в книге Панайотакиса, в основном по опубликованным данным⁴; более обстоятельно – И. Шевченко в рамках его сенсационного исследования о так называемой «Записке Готского топарха», т.е. анонимной записки, которую Газе поместил в объяснительных примечаниях (*Notae philologicae et historicae*) к тексту «Истории» Льва Диакона и которая, по мнению издателя, могла служить дополнением к краткому известию Льва о взятии Херсона (Корсуня) русскими при Владимире святом, будучи якобы составленной ближайшим участником события, а на самом деле, как это доказал И. Шевченко, была сочинена самим Газе⁵ (при этом американскому ученому оказались доступными и некоторые документы из неопубликованной доселе пе-

¹ Leonis Diaconi Caloensis Historia, scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes, E. Bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione Latina et notis illustravit Carolus Benedictus Hase. Parisiis, E Typographia Regia, 1819.

² Панайотакис, досконально изучивший рукопись, констатирует, что начало «Хронографии» Михаила Пселла подхватывает последнее предложение «Истории» Льва Диакона, и задается интересным вопросом, не сам ли Пселл и составил это пособие по истории, дополнив последнюю книгу Льва, – предположение, которое как будто подтверждается и отсутствием преамбулы в сочинении Пселла. См.: *Panayotakis N.M. Λέων ὁ Διάκωνος. Ἀθήναι*, 1965. Σ. 55.

³ Ibid. P. 110–111.

⁴ Ibid. P. 110–128.

⁵ *Sevchenko J. The Date and Author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 115–188. Pl. 1–28.* Об открытии И. Шевченко и о некоторых наших дополнительных аргументах см.: *Медведев И.П. К вопросу о неподлинности так называемой Записки Готского топарха // Мир Каяждана. СПб., 2001 (в печати).*

реписки Газе с гр. Н.П. Румянцевым, хранящейся в архиве последнего в Москве)⁶. Неизвестными ученому миру, однако, остаются материалы петербургских архивов, проливающих обильный свет на всю эту историю, рассмотрение которой и является предметом нашей статьи.

Впервые идея издания «Истории» Льва Диакона была высказана К.Б. Газе в письме от 28 декабря 1802 г. к одному из его друзей (J.F. Fries): «У меня возникла не очень-то удачная идея, – пишет он, – заняться изданием двух византийских авторов (имеются в виду, конечно, Лев Диакон и Михаил Пселл. – *И.М.*), рукописи с сочинениями которых я нашел в Национальной библиотеке, и я погрузился в пучину прегрешений восточной истории императоров, так что почти ни о чем другом больше не думаю, кроме как об отрезанных носсах. Работа невероятно надоела мне и почти вызывает отвращение, но я уже довольно продвинулся в ней и наверное мне придется ее закончить»⁷. Отсутствие средств делало, однако, осуществление издания более чем проблематичным, и единственным, на что мог решиться Газе в тех условиях, – это опубликовать, с целью привлечения к Льву Диакону внимания «ученых мужей» и «в качестве пробы», шестую книгу «Истории», содержащую, как известно, сведения о великом князе Святославе Игоревиче⁸. По мнению Панайотакиса, полное издание «Истории» могло бы вообще не осуществиться, если бы на горизонте не появился «как *deus ex machina*» академик Филипп Круг (1764–1844), один из тех немецких ученых, которые, приехав в Россию, стали первыми профессиональными исследователями византийской и российской истории. По мнению Панайотакиса, Круг не только поддержал идею издания, но и подсказал источник финансирования, указав на гр. Н.П. Румянцева как на вероятного «спонсора»⁹.

Действительно, Ф.И. Круг одним из первых оценил важность нового исторического источника и неотложность его издания¹⁰. И все-таки архивные материалы отдают инициативу реализации проекта самому русскому канцлеру. В архиве Алексея Николаевича Оленина (1763–1843), государственного деятеля и первого директора Имп. Публичной библиотеки, хранится письмо гр. Н.П. Румянцева от 18 марта 1813 г. на французском языке, из которого явствует, что сам Румянцев (не без «наводки» Круга)¹¹, ознакомившись с вышеуказанной публикацией Газе, принял решение способствовать изданию, не исключив при этом опубликования греческого текста в Петербурге, в сопровождении русского перевода. Привожу подлинный текст документа: «La Notice que Monsieur Hase a donnée sur un manuscrit (sic!) de la Bibliothèque Impériale de France, qui contient

⁶ Отдел рукописей РГБ. Ф. 255. Оп. 5. Д. 34 (см. о ней Appendix II к цитируемой (примеч. 5) работе И. Шевченко).

⁷ Цит. по: Panayotakis N.K. Op. cit. Σ. 112–113.

⁸ Notices et extraits de manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres Bibliothèques. P., 1810. T. 8. P. 254–296.

⁹ Panayotakis N.K. Op. cit. Σ. 113.

¹⁰ *Krug Ph. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie*. St. Petersburg, 1810. S. 322. Anm. 1: «Möchte doch die von Hase versprochene Ausgabe des Leo Diac. bald ercheinen!». Единственным, но зато весьма основательным и хорошо документированным очерком, воссоздающим творческую биографию Ф.И. Круга, является обширное «Введение» к посмертно опубликованным трудам ученого, написанное А.А. Куником: *Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. St. Petersburg, 1848. Th. 1. S. I–CCLVI.

¹¹ О тесных отношениях акад. Ф.И. Круга с Н.П. Румянцевым, доверенным лицом которого во многих научно-археографических предприятиях последнего и прежде всего по связям с европейскими научными центрами (особенно Франции) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства, Круг стал, взяв на себя «роль консультанта, рецензента и редактора», см.: *Козлов В.П. Колумбы российских древностей*. М., 1985. 2-е изд.; *Он же. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века*. М., 1999 (см. указатель имен).

l'histoire composée par Léon Diacre, suffit pour inspirer un grand intérêt et plus particulièrement à des Russes. Il est aisé de tomber d'accord avec le scavant (sic!) et convenir qu'il seroit de la plus grand utilité que cet ouvrage fut rendu publique par l'impression. Monsieur Hase, plus capable que qui que le soit d'en donner une belle édition, convient qu'à cette fin il étoit parvenu à terminer la traduction latine qu'il en avoit faite. Puisque cette traduction est faite pourquoi cette édition ne paraîtrait elle pas? Est la faute de moyens pécuniers nessesairs (sic!) pour l'entreprendre? Une avance seroit elle nessesaire? En quelle somme consisteroit elle? Ne seroit il pas possible d'acquérir par argent une simple copie du texte grec, avec le droit de l'imprimer ici acompagné (sic!) d'une traduction russe? Que peut couter cette copie? Voici des questions qui faites avec discretion peuvent nous mener à des resultats desirés et je fais mes instances les plus empessées à la personne aux bontés (sic!) de la quelle je dois la communication (sic!) de la Notice citée, pour quelle venisse bien en tirer parti. Pétersbourg le 18 Mars 1813»¹².

Думаю, что «особой», обратившей внимание графа на записку Газе, был именно акад. Круг, хотя не совсем ясно, зачем Румянцеву понадобилось обращаться к Оленину, а не поручить просто Кругу «списаться» с Газе. Во всяком случае, именно к Кругу в свою очередь обратился А.Н. Оленин за содействием в этом деле, поручив ему связаться как с самим Газе, так и с его «шефом», редактором парижского журнала «Magazin encyclopédique». Об этом Луи Милленом (Aubin-Louis Millen, 1759–1818), на предмет прояснения вопроса: «Статс-секретарь Оленин, – говорится в письме к Кругу от 28 марта 1813 г. (без подписи, писано канцеляристом), – препровождает при сем к Его Высокоблагородию Филиппу Ивановичу Кругу подлинную записку, полученную от Государственного Канцлера Графа Николая Петровича Румянцева. Статс-секретарь Оленин просит Филиппа Ивановича изготовить, на точном основании изложенных в сей бумаге пунктов, письмо к г-ну Миллену или к г-ну Газе относительно к получению копий с упоминаемых в записке рукописей и прочего; также покорно просит доставить сие письмо к нему за открытою печатью (cachet volant), дабы Граф Румянецв мог видеть содержание онаго, так как доставление сего письма он принимает себе. Статс-секретарь Оленин для лучшего в сем деле успеха просит написать два письма, одно к г-ну Миллену, а другое к г-ну Газе. 28 марта 1813»¹³. К письму была приложена и «подлинная записка» канцлера (на самом деле, как я предполагаю, составленная в канцелярии Оленина в духе вышеприведенной, действительно подлинной и адресованной А.Н. Оленину, записки канцлера), которую мне кажется целесообразным опубликовать здесь в оригинале:

«Le chancelier de l'Empire se chargera de faire parvenir une lettre, que Monsieur Krug voudra bien écrire à Mr. Millin et Mr. Hase, et dans laquelle Mr. Krug proposera à Mr. Hase les questions suivantes:

1. Puisque Mr. Hase assure lui-même avoir achevé la traduction latine de l'Histoire écrite par Léon le Diacre, dans le dessein de livrer cet ouvrage à l'impression, qu'est ce qui empêche que Mr. Hase ne fasse un aussi beau présent au monde littéraire? Est ce parcequ'il n'a pas à sa disposition l'argent nécessaire? Si cela est ainsi, un homme aisé,

¹² Отдел рукописей РНБ. Ф. 542 (Оленины). Д. 25. Л. 14. Письмо (без подписи, автограф Н.П. Румянцева) сопровождается запиской канцеляриста по-русски: «Государственный Канцлер, препровождая при сем к Его Превосходительству Алексею Николаевичу особую записку касательно известной рукописи Льва Диакона, покорнейше просит Его Превосходительство употребить благосклонное свое содействие в рассуждении разных вопросов, в сей записке заключающихся, посредством частных сношений, между учеными людьми, вероятно, сохранившихся. Государственный Канцлер с особенным удовольствием пользуется сим случаем, для засвидетельствования Его Превосходительству своего истинного почтения. Марта 19-го дня 1813» (Там же. Л. 15).

¹³ ПФА РАН. Ф. 88 (Ф.И. Круг). Оп. 2. Д. 60. Л. 1.

habitant Pétersbourg et professant un grand amour pour ce qui peut éclaircir l'histoire de sa patrie, ne demande pas mieux, que de concourir à cette dépense.

Il desireroit seulement savoir: quelle seroit la somme suffisante pour exécuter cette entreprise? Quelle avance ce particulier doit-il faire? Quel nombre d'exemplaires peuvent ils être mis à sa disposition, comme recouvrement tardif de ses frais?

2. Il desireroit aussi savoir: si Mr. Hase ne veut pas lui céder une copie exacte du texte grec qu' il a retouché, avec le droit de le faire paraître imprimé avec une traduction russe qui se feroit (sic!) à Pétersbourg? Et quel est le prix d'une pareille copie accompagnée du droit de sa publication?

Cette personne desire avoir une réponse au plutôt, pour pouvoir se désider, et dans l'une ou l'autre proposition, faire passer tout de suite à Paris les fonds, dont on sera convenu.

La même personne sait, qu' il existe à la Bibliothèque Imperiale de Paris parmi les manuscrits grecs du IXe siècle, cinq exemplaires d' un manuscrit de Grégoire Harmatole (sic!)¹⁴. Elle demande, si Mr. Hase veut bien se charger en faire avoir une copie et à quel prix? Toujours bien entendu, que c'est avec le droit de rendre publique par impression»¹⁵.

Круг несомненно выполнил возложенное на него задание¹⁶, но ответа из Парижа не оказалось. Позднее, как мы увидим далее, Газе объяснит это тем, что письма Круга не дошли до него, хотя, зная теперь о Газе несколько больше, мы не можем исключить и того, что он попросту игнорировал сделанное ему предложение, поскольку (и это мы также увидим далее) способ решения вопроса (а именно – передача прав на издание Льва Диакона Петербургу) не совсем его устраивал. Как бы то ни было, не дождавшись ответа, отправляет в Париж еще одну делешу по своим каналам А.Н. Оленин. Речь по-видимому, идет о письме (без обращения; тогдашняя манера авторов писать о себе и даже адресате в третьем лице и не подписываться затрудняет идентификацию), черновик которого хранится в архиве Олениных (на французском языке, почти без аксанов). О деле здесь также сказано в объективном стиле. Воспроизведены все пункты сделанного ранее предложения, включая возможную продажу в Петербург копий рукописей не только с текстами Льва Диакона, но и «Григория Амартола» (обращает на себя внимание попытка автора письма перевести дело с персоны графа Румянцева на «гос. секретаря Оленина». Приводим текст письма в оригинале (но с аксанами):

«Au commencement de l'année passée, le Sec. d'État Olenin avoit engagé Mr. Krug, attaché à l' Accadémie des sciences de St. Pétersbourg, à écrire à Mr. Millin de Paris, pour tacher d'avoir la copie du manuscrit de Léon Diacre. Mr. Krug aquieça (sic!) tout de suite à la demande du Sec. d'État Olenin, mais malheureusement il n'a pas encore eu de réponse. La querre en pouroit être une cause! En conséquence Mr. Krug se chargerait bien volontiers d'écrire de nouveau à Mr. Millin (qui est le chef de Mr. Hase) il

¹⁴ Не сомневаюсь, что и сведения о Георгии Амартоле (хотя и в перевернутом виде) исходили от акад. Круга: отождествление Хроники Георгия Амартола как основного и тщетно разыскивавшегося еще Шлецером византийского первоисточника Летописи Нестора (т.е. Повести временных лет) было одним из важнейших открытий Круга, которое он сделал еще в 1806 г. и которое, конечно, стало известно только после смерти ученого (в 1848 г.). См.: *Krug Ph. Forschungen...* S. CXXXV, 162–163.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–2 (без подписи).

¹⁶ С трудом читаемый черновик письма Круга к Газе от (?) марта 1813 г. сохранился в бумагах первого. Между прочим, сообщая о петербургском богаче, ревнителе отечественных древностей, который хотел бы способствовать изданию Льва Диакона, Круг уточняет: «Derselbe Gönner wünscht ferner zu wissen, ob Sie ihm wohl eine ganz genaue von Ihnen revidierte Copie des griechischen Textes von Leo Diac. überlassen wollen, die er hier in St. Pet., begleitet von einer russischen Übersetzung, könnte im Druck erscheinen lassen; und was Sie dafür verlangen? Er erwartet eine schelle Beantwortung dieser Fragen» (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 209–210 об.).

ecriroit même en droite ligne à ce dernier, quoiqu'il ne le connaisse pas particulièrement. S'il savoit les moyens de lui faire parvenir sa lettre, sans qu'elle s'égare, et de recevoir de même une réponse de la part. C'est de quoi Mr. Krug ne se charge pas. En conséquence le Sec. d'État Olenin avec l'approbation de Son Excellence le Grand Chancelier de l'Empire Comte de Roumiantzow, veut faire à Mr. Krug les propositions suivantes, que ce dernier portera à la connaissance des Sieurs Millin et Hase.

1. Si Son Excellence Monsieur le Comte de Roumiantzow ne veut pas faire paroître son nom dans cette affaire, le Secr. d'État Olenin y prêtera le sien avec plaisir et alors Monsieur Krug écrira aux dits Sieurs Millin et Hase, qu'un particulier de Pétersbourg, assez aisé, grand amateur d'histoire, désireroit (sic!) engager Mr. Hase à imprimer le manuscrit de Léon Diacre, avec la version latine, s'entend aux frais de ce particulier, de manière que toute l'édition appartiene (sic!) à Mr. Hase, avec la restriction de 200 exemplaires gratis pour le dit particulier. Que si Mr. Hase ne vouloit pas se charger de l'édition de ce manuscrit, sans sa propre direction, ne voudrait il pas vendre au moins la copie du manuscrit avec la version latine, pour être imprimé (sic!) ici à St. Pétersbourg, et quel seroit le prix de cette copie et de la version?

2. Mr. Hase ne se chargeroit il pas de mettre au jour un autre auteur byzantin, très précieux pour l'histoire de Russie, et qui ne se trouve pas encore dans la fameuse collection des Byzantins imprimée à Paris dans le XVII siècle. C'est un certain Grégoire Hamartolo (sic!), écrivain du IXme siècle, dont on trouve cinq manuscrits dans la Bibliothèque Impériale de Paris. Cet écrivain est cité par notre fameux Nestor¹⁷. Mr. Hase après avoir compulsé les cinq manuscrits pourroit en donner une édition aux conditions énoncées pour Léon Diacre, ou vendre de même la copie du manuscrit compulsé?

3. Au cas que Mr. Hase accepte la proposition d'imprimer à Paris sous ses yeux ces deux manuscrits, ou seulement le premier des deux c.a.d. Léon Diacre, comme il est déjà prêt à être imprimé. Il voudra bien faire savoir au plutôt par le moyen de Mr. Krug, quelle est la somme qu'il désireroit avoir à cet effet, et à quels termes il voudroit la recevoir. Si par hasard Mr. Hase ne vouloit pas se charger de cette besogne, il fera savoir au moins tout de suite le prix de la copie et de la version latine de l'ouvrage de Léon Diacre, ainsi que de celui de Grégoire Hamartolo. Au cas qu'il se charge de compiler. Des que la réponse de Mr. Hase sera arrivée ici, le susdit particulier ne manquera pas d'indiquer par la même voie à Mr. Hase le banquier qui sera chargé à Paris de lui émettre les sommes nécessaires et de recevoir de lui les imprimés ou les copies manuscrites des ouvrages mentionnés, pour les expédier en Russie»¹⁸.

Наконец «порезался» и сам К.Б. Газе с своим первым письмом к Ф.И. Кругу от 24 сентября 1814 г.¹⁹, из которого мы узнаем о том, что он подвергся своего рода массивной атаке с разных сторон с целью убедить его согласиться на предложенные условия. «Из расспросов, – говорится в письме, – с которыми ко мне несколько месяцев назад подступил один молодой офицер, г-н Берто, я предположил, что Вы имели любезность писать мне; а на основании письма барона фон Штрандмана²⁰, секретаря русского посольства в Англии, я убеждаюсь

¹⁷ Внизу листа сделана даже ссылка: «Глаголетъ Георгій въ Летописаніи старецъ Нестор. С.П. Бургъ 1767. Стр. 12».

¹⁸ Отдел рукописей РНБ. Ф. 542. Д. 25. Л. 16–17 об.

¹⁹ Вся переписка К.Б. Газе с акад. Кругом и (частично) с канцлером Н.П. Румянцевым хранится ныне в бумагах Круга: ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21 (93 листа писем Газе); Оп. 1. Д. 138 (черновики писем Круга). Поскольку письма Газе будут опубликованы в своем подлинном виде в третьем выпуске «Архивов русских византистов», то здесь они цитируются в моем переводе с немецкого (письма к Кругу) или с французского (письма с Румянцеву).

²⁰ Штрандман фон, Иван-Густав-Магнус Оттонович (р. 20 августа 1784 г.) – барон, путешественник и археолог. О его связи с Н.П. Румянцевым и румянцевским кружком см.: *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей (см. указатель имен).

в этом еще раз: этот последний сообщает мне из Лондона, что ныне находящийся там г-н Крузенштерн²¹ спрашивает, получил ли я Ваши письма ко мне, отправленные во время войны. К сожалению, ни одно из них не дошло до меня. Предполагаю, что, как и многие другие, они были вскрыты и утаены бонапартистской полицией. Мне этот инцидент особенно досаждает, ибо, с одной стороны, эти письма, возможно, содержали заказы и запросы от Вас, которые остались и поныне неисполненными и безответными; с другой стороны, как пишет г-н Штрандман, в них, по его мнению, речь шла об одном историческом сочинении, относящемся к русской истории, которое г-н Рейхсканцлер Романцов (sic!) хотел иметь напечатанным или списанным в Париже. Я не сомневаюсь, что это сочинение – “История” Льва Диакона; по крайней мере, я несколько дней назад получил письмо г-на госсекретаря Оленина, в котором речь идет также об этом сочинении. Все это требует, как кажется, быстрого разъяснения.

Над дополнительным томом к *Byzantina* я работаю, как Вы, вероятно, знаете, вот уже 6 лет, но, к сожалению, с частыми перерывами из-за разных дел, к которым меня вынуждает моя служба. Поэтому мне пришлось изучать и описывать все поступившие в Библиотеку со времен революции греческие и латинские рукописи. Эта потребовавшая большого времени работа (хотя не без раздражения с моей стороны, но и не без пользы для моего главного предприятия) была окончена за несколько месяцев до вступления союзников в Париж, и я возобновил работу над моим томом, который должен был включать следующие *Inedita*: 1) Лев Диакон, 2) Хронография Пселла, 3) Его же письма исторического содержания, 4) Несколько книг (из “Ромейской истории”. – *И.М.*) Никифора Григоры (они у нас не все изданы), 5) Анонимы. Из них готов к печати Лев, почти готова Хронография Пселла.

Я работал над латинским переводом его писем, когда князь Волконский²² также прислал мне записку следующего содержания: хотят, чтобы рукопись оригинального текста Льва была послана в Петербург с тем, чтобы она была напечатана там, ибо я, возможно, откажусь от его (Льва) издания. Я ответил, что мое намерение (опубликовать “Историю” Льва Диакона в луврской серии *Corpus Byzantinae Historiae*. – *И.М.*) не изменилось и что Лев уже готов к печати. Несколько дней назад г. Дювиньо, прибывший из Петербурга, привез мне письмо графа Оленина, в котором тот требует пересылки рукописей Амартола и Льва. Первый не входит в мои планы, и я указал его (Оленина? – *И.М.*) посланнику, графу Поццо ди Борго²³ путь, на котором он должен искать разрешение министра, которое он несомненно получит. Но что касается Льва, то я Вас спрашиваю, справедливо ли лишать меня возможности первым выпустить его после того, как я обратил внимание публики на этого автора и на протяжении нескольких лет тратил на его обработку те немногие часы, которые оставались мне дела по службе. Мои предварительные исследования, рукописи нашей Библиотеки, все мои шестилетние штудии дают мне в руки средство сделать такое издание полнее, чем это может быть где-то в другом месте.

²¹ Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846) – знаменитый русский мореплаватель, один из самых деятельных членов румянцевского кружка, см. об этом: *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей.

²² По-видимому, имеется в виду князь Сергей Григорьевич Волконский (1788–1865), будущий декабрист, а в то время генерал-майор, офицер русского оккупационного корпуса во Франции.

²³ Поццо-ди-Борго Карл Осипович (1768–1842) – граф, участник сражений против Наполеона, в ноябре 1813 г., по предложению Александра I, составил прокламацию от имени союзных держав о низложении династии Наполеона; по прибытии в Париж Людовика XVIII был назначен на пост российского посланника при французском дворе. См. о нем: *Русский биографический словарь*. СПб., 1905. Т. 14. С. 727–732.

И как позорно было бы для меня, если бы я, публично пообещав ученой Европе стать первым издателем, не сдержал слова. Но почему бы Льву не быть напечатанному здесь? Я принимаю это предложение, так как оно, согласно обещанию г-на Штрандмана, содержится в Вашем письме и так как оно действительно для нас всех и выгодно, и почетно. За 3000 франков г. Эберхард (у него вышли Плутархи Коранса) выражает готовность выпустить 500 экземпляров (греческий текст с латинским переводом, словарем и предисловием). Из этих экземпляров 50 я бы зарезервировал себе, чтобы распределить их здесь; остальные г. Эберхард направил бы ближайшим и надежнейшим путем г-ну Оленину, г-ну Романцову, или же тому, кто покроет расходы на печатание. Таким образом, Лев мог бы появиться как предтеча и провозвестник моего большого тома, который затем, разработанный неспеша, последовал бы через год или два. Само собой разумеется, что в предисловии я бы упомянул с благодарностью и прославлением Вас и того, кто бы поспособствовал изданию. Все это я написал и г. Оленину (письмо не сохранилось? – *И.М.*); поговорите с ним, ведь Вы наверняка знаете его. Что я Вам за Ваше дружеское участие буду сердечно благодарен, не нуждается в особых уверениях. Считайте меня тем, кто, будучи Вам полностью преданным, с радостью возьмет на себя все поручения, которые Вы захотите дать в Париже, все поиски, которые Вы пожелаете сделать в наших рукописях. Вы хотите иметь отмеченные хронологические данные у Льва и Пселла (у последнего очень немногочисленные)? Я в Вашем распоряжении, хотя и мало занимался хронологией и синхронистикой. Ведь моя работа над византийцами чисто филологическая: я хочу лишь выпустить текст по возможности столь чистым, как он вышел из рук авторов. Критическая проверка его (автора) правдолюбия, оценка вспомогательных источников и исторических данных вообще не входит в мои планы; все то, что я могу сделать, остается все же только подготовительными материалами к Вашим историческим сочинениям»²⁴.

Ответ Ф.И. Круга нам неизвестен, но зато известен результат дела: editio princeps оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона стало осуществляться в Париже, растянувшись на несколько лет (1814–1819), в то время как первый перевод труда на «российский язык» был «выделен в отдельное производство» (его предполагалось сразу же по появлении оригинала изготовить и издать в Петербурге – также на средства Н.П. Румянцева)²⁵.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 212. Л. 1–4 об. Опасаясь, что и его письмо не дошло до адресата («над нашей перепиской до сих пор довлеет какой-то злой рок»). Газе шлет еще одно письмо (от 18 октября 1814 г.), почти идентичного содержания. Подчеркнув, что для него «было бы оскорблением, более того, почти позором», если бы писатель, об издании которого он оповестил несколько лет назад и в ознакомление с которым он сам, благодаря анонсу в «Notices», внес вклад, появился бы теперь впервые «не через меня, как я обещал», Газе все же оговаривается: «С другой стороны, мне противна сама мысль явиться неким драконом, который там, где не пахнет золотом, сидит враждебно в какой-то *Βιβλιοθήκη*». И далее: «Так как сочинение Льва важно для критического исследования русской первоистории (*Urgeschichte*) или даже только может стать полезным, то быстрое введение его в оборот – мой (как и любого другого ученого) долг (...). Если Вам сейчас понадобится *Russica* Льва (ибо печатание, даже начавшись приблизительно через месяц, вряд ли закончится до февраля), то я готов все, что касается в его «Истории» русских, для Вас списать прямо на месте и Вам переслать. Шестая книга уже напечатана; девятую я несколькими неделями ранее отослал г-ну Оленину. Все остальное – к Вашим услугам». Указан и предположительный тираж, но уже не 500, а 600 экземпляров («Вам принадлежат»; из них 50 я резервирую за собой для раздачи в редакции здешних журналов и т.д.). Там же. Л. 6–9.

²⁵ Что, в конце концов, и было претворено в жизнь. См.: История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей Корол. Парижской библиотеки и объясненныя примечаниями Карлом Бенедиктом Газе (...) Переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. В Санкт-Петербурге, печатано при Имп. Академии наук. 1820. Подробно об этом издании см.: *Медведев И.П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона (в печати).

Переписка Газе и Круга как раз и отражает весьма драматическую историю издания оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона²⁶. Значительная часть писем Газе содержит обильную информацию о с трудом продвигающемся печатании труда; о движении корректуры (акад. Круг не только просматривал все корректуры, но и делал свои поправки к публикуемым текстам); о трудностях с их пересылкой и пересылкой писем, которые часто не доходили до адресатов. Много места в них отведено попыткам объяснить и оправдать непомерно затянувшееся издание (и это при том, что уже в первых письмах говорится о готовности издания к печати), обоснованию и расчетам требовавшихся со стороны графа финансовых субсидий (в ответ на которые тот незамедлительно выписывал чеки), описанию трагедии с гибелью во время шторма значительной части тиража (125 экземпляров из совокупного тиража, который в конечном счете был ограничен не в 600 и даже не в 500, а всего-то в 400 экземпляров)²⁷ при транспортировке их по морю на бриге «Меркурий» в Петербург, бесконечным просьбам к Румянцеву и Кругу ходатайствовать о награждении его (как и его друга Рауля-Рошета) орденом св. Владимира, о других, оставшихся неосуществленными, издательских проектах Газе («Хроника» Георгия Амартола, «Хронография» Михаила Пселла, «История» Никифора Григоры, труды Григория Паламы), «спонсором» которых также должен был выступать Н.П. Румянцев²⁸. Письма изобилуют красочными описаниями научной жизни Парижа тех времен, упоминаниями огромного количества весьма известных в истории имен государственных деятелей, ученых, писателей, художников, издателей, книготорговцев и т.д., многим из которых даются весьма выразительные характеристики. Разумеется, в настоящем очерке мы касаемся только тех сведений, которые относятся к изданию Льва Диакона (да и то самые необходимые).

«Книготорговцы, – пишет Газе 14 февраля 1815 г., – уговорили меня печатать Льва в Королевской типографии; правда, это обойдется несколько дороже, чем в какой-нибудь частной типографии, но нам нигде не найти столько же всевозможных виньеток, литер и украшений, какие применялись здесь в других изданиях серии *Corpus Byzantinae Historiae* и какие, как я надеюсь, будут использованы и для Льва. Впрочем, мы просим у Его Превосходителя Канцлера не больше 3000 (франков. – *И.М.*), согласно нашей прежней договоренности. Из моего письма Вы увидите, что число экземпляров (предназначенных для Н.П. Румянцева. – *И.М.*) меньше, но я думаю, что и двухсот ему будет достаточно, ибо из

²⁶ В бумагах Круга хранится печатный «Prospectus» издания, в котором говорится: «(...) Par la munificence de S.E.M. le Comte de Romanzoff, Grand-Chancelier de l'Empire de Russie, et par la protection particulière du Gouvernement français, M. Hase, professeur à l'école spéciale et Royale des langues Orientales à Paris, a été mis en état d'entreprendre la publication de l'Histoire de Léon. L'impression en est déjà fort avancée. Le volume qui la contient, renfermera, outre des notes philologiques et explicatives, les ouvrages suivants également inédits: 1. Un Traité sur la Tactique composé par ordre de l'Empereur Nicéphore Phocas (Voyez Fabricii Biblioth. graec. edid. Harles. VII. 677. c.); 2. Un fragment de l'histoire de Jean d'Epiphane, sur les querres entre les Perses et les Romains, tiré d'un manuscrit de la Bibliothèque du Vatican (V. Notices et extraits des manuscrits, Tome VIII, 259, note 2). 3. Le texte grec de la lettre de Théodose le Grammairien sur la prise de Syracuse par les Sarrasins, publiée en latin seulement par Pirro (Sicilia sacra, Edid. III. Tom. I. 613–617) et par Ducange (Ad Zonatae annales. II. 87–93) (...) pres de 300 pages en deux colonnes, l'une contenant le texte grec, l'autre la version latin (...). L'impression sera terminée dans le courant de l'année 1817» (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 211).

²⁷ Бытующая в литературе другая цифра погибших экземпляров (150) восходит к ошибочной газетной информации (см. ниже).

²⁸ О наиболее «продвинутом» из этих малоизвестных издательских проектов Газе – о проекте первого издания «Хронографии» Михаила Пселла см. мою статью в.: ВВ. 2001. Т. 60(85). С. 183–191.

них каждый здесь и в Германии можно продавать по 30 франков, и это наверняка возместит его расходы. Из двухсот, которые я прошу для себя, я несколько экземпляров раздам рецензентам, которые известят (ученый мир) о выходе труда. Я только прошу Вас позаботиться, чтобы ответ канцлера пришел как можно скорее, ибо хочу, чтобы в течение 14 дней печатание началось, и я попаду в очень затруднительное положение, если деньги, на которые мы рассчитывали, не придут»²⁹. «Через несколько дней после получения Вашего письма³⁰, – продолжает Газе письмом от 2 сентября 1815 г., – снова разразилась война, а что за этим последовало, Вам известно. Я, впрочем, времени даром не терял в деле с печатанием, и сим Вы получите два листа корректуры (zwei Korrekturbogen) выходящего, наконец, благодаря Вашему дружескому посредничеству, в свет Льва. Как Вы видите, он заполнит приблизительно 100 страниц = 25 листов. Я приложу еще неизданный трактат *Περὶ λαρὰδροιῆς λολέμου* (Ducange Glossario Graec. в Указателе неизданных авторов, col. 30), который, будучи составлен по указу императора Никифора Фоки, отличается небольшим объемом, но содержит многое из того о тогдашнем состоянии военного дела, что отсутствует в Тактике императора Льва и, стало быть, может рассматриваться как *Excursus De re militari Byzantinorum tempore Leonis Diaconi*. Я думаю завершить том найденным мною фрагментом Иоанна Епифанийского (Notices des Manuscrits VIII, 259 [1]) и неизданной на греческом языке *Epistola Theodosii monachi De expugnatione Sygacusaum*, которая упоминается в Глоссарии Дюканжа (Index auctor., col. 62) и частично сохранилась в нашем *Codex regius 3032*. Таким образом, с учетом моих филологических и грамматических заметок, которые еще последуют за этими, том будет содержать около 200 страниц, без предисловия, и, стало быть, будет толще, чем Агафий в *editio Regia*. Надеюсь, что Вы одобрите весь этот план; если нет, то я готов к изменениям по Вашему желанию. Примечания носят лишь критический и грамматический характер, как примечания к Тимариону в IX томе “Notices”; все исторические разъяснения остаются за Вами, как я в прошлом году уже имел честь писать Вам. Весь труд будет посвящен Канцлеру, и позвольте мне в предисловии, наряду с ним, публично высказать и Вам мою благодарность, ибо Бог знает, сколь долго без Вас Лев еще оставался бы неопубликованным (...) Я теперь добиваюсь ускорения печатания в Королевской типографии, где из-за неустойчивости и часто меняющейся ситуации число сотрудников сильно уменьшилось (...) 25 экземпляров мы получили на веленовой бумаге – для канцлера, который пустит их, вероятно, на подарки в библиотеки Российской империи. Остальные, правда, будут без ненужной роскоши, но вполне приличны, на писчей бумаге (...) Еще раз сердечное спасибо за все, что Вы сделали для византийской истории, Льва и лично меня. Напевая Вам, как варяг, многая лета, я прошу Вас о продлении Вашей дружбы, Вашего дальнейшего посредничества у графа Романцова, о Вашем любезном руководстве в осуществлении наших предприятий и задач. Как я хотел бы однажды иметь возможность доказать Вам, что Вы приняли на работу отнюдь не неблагодарную личность»³¹.

Выразив (письмом от 23 февраля 1816 г.) признательность Кругу за сделанные после просмотра корректурных листов замечания (письмо Круга от 29 декабря 1815 г.), Газе продолжает: «Шлю Вам здесь новые и прошу также их просмотреть. Если Ваши предложения придут уже после напечатания, им все же легко можно будет найти место в приложении в конце тома. О некоторых я и

²⁹ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 7 об.–8.

³⁰ От 27 марта/8 апреля 1815 г. (черновик не сохранился).

³¹ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 9–10 об.

сам еще нахожусь в сомнении: переводить $\varphi\alpha\rho\acute{\iota}\varphi\upsilon\nu$ словом *conhottescere* мне все же кажется немного сильно; *non dubitare* – напротив, чересчур слабо, как я теперь вижу; полагаю, что Лев, который часто пользуется этим словом (20A, 49B, 54A, 70D), хотел сказать примерно то же, что Цицерон со своим *non veritus est*. $\text{A}\iota\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ 22 C относится, вполне вероятно, к $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha$. Так, $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\alpha\varsigma$ $\text{a}\iota\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ 25B и $\text{a}\iota\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\varsigma$ 65C – это библейское выражение, которое часто встречается у отцов церкви. Все Ваши прочие предложения я принимаю и использую в переводе. Порадуйте меня поскорее новыми в отношении приложенного текста. Здесь в Париже латинская ученость полностью в упадке (...). Что касается отправляемых Вам корректур, то они занимают 19 печатных листов (Bogen), еще несколько находятся в печати, т.е. мы имеем больше 4/5 “Истории” Льва. К нему в этом томе я намерен приложить: 2. Тактику Никифора Фоки $\text{P}\epsilon\rho\iota$ $\text{p}\alpha\rho\alpha\delta\rho\omicron\mu\eta\varsigma$ $\text{p}\omicron\lambda\acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$. 3. Письмо монаха Феодосия к Льву Диякону (не нашему) $\text{P}\epsilon\rho\iota$ $\tau\eta\varsigma$ $\acute{\alpha}\lambda\omega\sigma\epsilon\omega\varsigma$ $\Sigma\upsilon\rho\alpha\chi\omicron\upsilon\sigma\eta\varsigma$. 4. Упомянутый мной в *Notices et Extraits* и извлеченный из рукописей фрагмент Иоанна Антиохийского. Мои заметки (Noten) филологического и грамматического содержания должны замкнуть том, который сейчас, правда, займет около 300 страниц и, стало быть, печатание его обойдется дороже, чем том в 120 страниц, на который сначала мы и составили нашу смету. Впрочем, здешнее министерство уже заверило меня в том, что значительное число экземпляров будет закуплено сразу же себе, благодаря чему будет полностью покрыты все возможные расходы, так как в Королевской типографии оплата производится лишь несколько месяцев спустя после окончания. Я мог бы уже сейчас прислать Вам корректурные листы предисловия и лист посвящения канцлеру; они уже почти готовы, и мои заметки – тоже, но печатание идет не столько быстро, как хотелось бы, ибо Королевская типография, как и государство, сократилась, ограничившись 40 печатными станками из 150, а из них только один занят под Льва. Я, тем не менее, гоню изо всех сил, и мне обещают за 14 дней этого месяца выдать три новых листа»³².

Письмом к Кругу от 3 мая 1816 г. Газе сообщает: «У меня в руках последние корректурные листы Льва (№ 28, стр. 109–112). Еще больше находится в печати, и я гоню изо всех сил. С следующей okazji, которая отправится примерно дней через 10, Вы получите через посольство корректуры до конца Льва и в то же время, как я надеюсь, уже начало Тактики Никифора. Просьбу о продолжении Ваших любезных замечаний, которую я высказал в моем предыдущем письме, я повторю и здесь: при *editio princeps*, да еще по единственной рукописи, невозможно, чтобы не вкрались всякого рода оплошности, и Ваши замечания, даже опоздай они к напечатанию текста, найдут свое место в моих заметках. И еще: со времени моего последнего к Вам письма, мне нанес визит г-н Тургенев, молодой офицер из генерального штаба русского наблюдательного корпуса, который размещен в Пикардии³³. Он лишь на несколько дней в Париже и послан ко мне г-ном Олениным, с тем чтобы я отправил к нему экземпляры Льва, буде он отпечатан; он хочет, по словам Тургенева, дать их для использования Карамзину. Я бы мог, пожалуй, достать ему из Королевской типографии один экземпляр, т.е. все листы текста, сколько их до сих пор оттиснуто, но, естественно, я не мог бы этого сделать без Вашего согласия, и поэтому ответил, что хотел бы то, что готово, послать Вам, а Вы уж направьте это Оленину и Карам-

³² Там же. Л. 11–11об.

³³ Имеется в виду Тургенев Александр Иванович (1785–1848) – историк и археолог. О его помощи Н.М. Карамзину в розыске материалов для «Истории Государства Российского» см.: Коллов В.П. Колумбы российских древностей. С. 44.

зину. Мне кажется справедливым, чтобы эти господа более ранним сообщением были обязаны Вам. Получите, следовательно, со следующим курьером, помимо новых корректурных листов, которые я прошу Вас любезно просмотреть, еще один (может быть, уже совсем полный) экземпляр текста Льва для г-на Оленина, если Вам и рейхсканцлеру будет угодно ему его дать. Одновременно я снова напишу последнему»³⁴. Аналогично – в письме от 24 июля 1816 г.: «Гом, содержащий Льва, выйдет лишь в следующем году (...) Канцлер был весьма любезен написать мне несколькими неделями раньше и спросить меня о некоторых филологических и библиографических вопросах; к сожалению, я смог ему дать справку весьма неудовлетворительную: то, что я написал в моем ответе об идентичности слов *Sur*, *Sarat* и *Sudack*, попросите его сообщить Вам. Мне любопытно, покажутся ли Вам мои предположения убедительными»³⁵. Сейчас печатают Тактику Никифора. Как только у меня будут все листы Льва, я Вам вышлю полный экземпляр, который Вы, может быть, предложите канцлеру для проверки. Печатанием я, несмотря на излишнюю медленность, доволен и стараюсь сделать текст по возможности свободным от ошибок. Не забудьте сообщить мне Ваши замечания к пересланным листам; я нашел способ поместить все замечания, ранее Вами сделанные»³⁶.

Переписка возобновилась лишь через год. Сообщив в письме от 11 июля 1817 г. о получении письма Круга от 12 мая этого же года³⁷, Газе пишет: «Я в высшей степени поражен им и обеспокоен, так как два пакета, отправленные отсюда в Россию, и один от Вас к нам, кажется, потеряны или же ужасно запаздывают. Первый из направленных к Вам пакетов я сдал в (русское. – *И.М.*) посольство в ноябре прошлого года. Он содержит копию первого раздела Амартола, наряду с печатными листами Льва. Очень жаль, если он потерян. Впрочем, эту утрату можно легко восполнить, но совершенно невосполнима утрата второго, предназначенного для канцлера и отправленного мною приблизительно в середине мая этого года» (следует описание содержимого, включая «полностью отпечатанный текст Льва, наряду с автором, которого я примкнул к нему, – всего 160 страниц *en bonnes fenilles*» и «часть моих примечаний в рукописи, в качестве пробы»). «Как уверяют господа из посольства, – продолжает Газе, – все это было послано отсюда в Мавиаиде, чтобы оттуда двигаться дальше с курьером, которого оккупационный корпус время от времени посылает в Петербург. Будьте любезны, спрашивайте там у властей, может быть, пакет лежит где-то, по небрежности нижних чинов; он очень большой, с печатью нашей библиотеки, обернут

³⁴ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 13–13 об.

³⁵ Речь идет как раз о тех двух письмах Румянцева и Газе, которые опубликованы (с воспроизведением фотокопий) И. Шевченко, показавшим, что Газе своими «предположениями» и ссылкой на никогда не существовавшего Максима Кателианоса лишь вводил Н.П. Румянцева в заблуждение (*Ševčenko J. The Date...* P. 170–171, 180–185. Pl. 13–22). По-видимому, именно это письмо Н.П. Румянцева (его следует датировать началом июля 1816 г.), в котором была выражена страстная просьба найти среди неизданных рукописей византийских авторов что-то, имеющее отношение к «истории моей Родины», и обещание щедро вознаградить за подобную услугу подвигли Газе на то, чтобы не только придумать Максима Кателианоса, но и сочинить свою знаменитую фальшивку, так называемую «Записку Готского топарха». Интересно, с какими чувствами призывает он и Круга оценить убедительность своих «предположений»? Наверное, без опаски.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Л. 15–15 об.

³⁷ Сохранился черновик этого письма Круга, в котором он сообщает, что кроме писем Газе от 3 мая и 24 июля 1816 г. не получил от него ни строчки, хотя отправлял адресату 3 письма – от 9 августа и 27 декабря 1816 г. и от 19 марта 1817 г.; и не может понять причины. То же самое канцлер, который уже давно тщетно ждет Льва: ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 213.

в голубую бумагу» (следуют жалобы на посольского чиновника Шписа, ведавшего отправлениями почты: «Этот молодой человек в высшей степени нелюбезен и, пожалуй, именно он, по крайней мере частично, виновен в неприятностях с нашей перепиской»). И далее: «Сейчас печатают предпоследний лист моих примечаний к Льву, который, я полагаю, через несколько месяцев будет закончен. То, что печатание растянулось на два с лишним года, объясняется тем, что на меня теперь трудится только один-единственный работник, да и он, когда приходится много печатать для правительства, прерывает свою работу. В дальнейшем, надеюсь, дела пойдут лучше (...) Расходы на Льва превысят, как я предвижу, 3000 франков, так как том содержит около 350 страниц; впрочем, немалое число экземпляров забирает здешнее правительство и я легко смогу добавить недостающее в присланной мне канцлером сумме. Точный расчет Вы получите в оригинале с первым полным экземпляром Льва (...) Будьте любезны сообщить мне имя и титул канцлера, как они могли бы выглядеть в латинской версии на титульном листе Льва: AUSPICIS ILL. COMIT. NICOLAI (не так ли?) DE ROM. etc., потом его чины, EXSCRIPSIT, TRANSTULIT, EDIDIT, затем – мое имя. То же самое будет повторено в посвящении»³⁸.

«Печатание Льва, – сообщает Газе в письме к Кругу от 19 октября 1817 г., – недели три назад снова прервалось, ибо с целью закончить большой, в 24 тома в четверку, пенсионный список, который в ноябре должен быть представлен палатам, все станки Королевской типографии были заняты под это (...) Шлю Вам в качестве образца еще два печатных листа. Согласно моему более раннему плану, я сократил все пространные исторические рассуждения (полагаю, что первый издатель греческого текста вообще не должен за это браться), приведя лишь то из ineditis в нашей Библиотеке, что могло прояснить текст, и попытавшись его (текст) критически оценить и защитить некоторые места моего перевода. Так как, благодаря моей работе, я ознакомился не только с большинством византийских историков, но и с патристикой, и нет почти ни одного значительного сочинения греческих отцов церкви с III по VII век, которое бы не было теперь у меня в памяти вплоть до последней фразы и слова (я, может быть, поступил бы лучше, запечатлев для себя нечто более разумное), я, пожалуй, мог бы написать историю большинства греческих слов, смысл которых менялся в течение столетий, начиная с гомеровских и классических времен и вплоть до римских и византийских. Поэтому в примечаниях я часто старался точнее определить неясные значения, исправлять некоторые ошибки переводчиков, а, пожалуй, и обогатить лексиконы доселе неизвестными словами. Правда, это часто приводило меня к отступлениям (см. 191.B), однако, в примечаниях к последним книгам Льва они становятся реже. Кроме того, я полагал, что будет лучше всего соответствовать Вашим и канцлеровым намерениям, если я попытаюсь сделать издание полезным не только для историков, но и вообще для лексикографов и филологов. Чтобы можно было легче разобраться в этих нагромождениях, я позабочусь о точном указателе, а в особой таблице укажу издания менее известных сочинений, на которые я ссылаюсь (...) Что касается экземпляров, то я во всем последую Вашему любезному указанию. 25 отпечатанных на веленовой бумаге я хочу отправить непосредственно графу, другие 100 (или столько, сколько Вам будет угодно) по Вашему или его указанию – в Германию или Петербург. На 100 других подписалось здешнее правительство. Ес-

³⁸ Там же. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 17–18 об.

ли оно заплатит по 40 фр. за экземпляр (посмотрите вложенный проспект), то все возможные издержки будут покрыты, и мы сохраним еще некоторый излишек, чтобы быть в состоянии начать печатание Пселла»³⁹.

«Канцлер совершенно прав, – продолжает тему Газе уже в другом письме от 4 января 1818 г., – и я пунктуально последую его распоряжению, а именно: послать ему три экземпляра на веленовой бумаге через Поццо ди Борго, а еще 22 на веленовой и 50 на обычной бумаге – судом. Остальные предназначенные для него 50 экземпляров остаются пока здесь. К сожалению, печатание в конце года снова замедлилось, так как правительство загрузило все станки бюджетом и административными бумагами; но несколько недель назад оно снова возобновилось и теперь печатается указатель, несколько расширенный мною из-за примечаний. Одобряете ли Вы план, которому я следовал при их составлении? Чтобы сделать их в какой-то степени полезными для эллинистов в целом, я иногда из многочисленных заметок, которые у меня образуются при чтении греческих авторов более ранних или более поздних времен, заимствовал некоторые в текст (*einige darinn aufgenommen*), как, например, "Αλλοττος в приложенных листах 213.А. (печаталось в августе; с тех пор я имел в руках первую корректуру девяти листов). Я понимаю, что меня могут упрекнуть в отклонениях, но поскольку я сразу придал моим штудиям определенное направление и вправе надеяться, что при Вашей великодушной любезности и дальше найду такого же рода поддержку, то я, может быть, все же прав, приводя в примечаниях и разъясняя слова, неизвестные обычному филологу, но присутствующие в моей весьма верной памяти. Исторические фрагменты я тоже включил⁴⁰, хотя далеко не столь много, как Вы найдете в приложениях к Пселлу»⁴¹.

«Как я боялся, почтеннейший друг, – пишет Газе 15 августа 1818 г., – что долгое сверх всякой меры печатание нашего Льва подорвет Ваше терпение. Еще к началу этого года все должно было быть оконченным, и теперь, в августе, несмотря на мое понукание, три последних листа (два – предисловие и один – приписка) еще отсутствуют. Чтобы отвести от себя подозрение в нерадивости, я в письмо к канцлеру вложу некоторые из многочисленных записок, которые я получал по этому поводу из Королевской типографии; и все же мне это дело в высшей степени опротивело. Я так хотел скорого продвижения, которое могло бы засвидетельствовать Вам и канцлеру мою признательность и продемонстрировать мою деятельность. И после того, как я месяцами, изо дня в день, откладывал написать Вам, в надежде получить возможность отправить Вам полные экземпляры, мне и сейчас еще приходится обманывать Ваше ожидание. Пожалуйста, не приписывайте мне эти задержки, которые больше всего вредят именно мне. Так как из всей книги остается напечатать лишь около 11 страниц и титульный лист, то кажется невозможным, чтобы окончание отдалялось, хотя, по правде сказать, я не отваживаюсь больше определять сроки. Текст и примечания (последние не совсем полны, так как я последние три листа смогу отпечатать лишь дней через восемь) Вы найдете в том экземпляре, который я посылаю канцлеру; конец предисловия я прилагаю к настоящему письму для Вас написанным от руки. Вы видите, что я не упускаю случая воздать должное Вашим большим заслугам перед наукой»⁴².

³⁹ Первая половина письма (и цитаты) «застряла» в бумагах А.А. Куника (ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 190. Л. 1–4 об.) продолжение – в архиве Круга (Там же. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 39–40).

⁴⁰ Если в этих словах Газе содержится намек на его «Анонима», т.е. «Записку Готского топарха», то этот намек, пожалуй, единственный; возникает вопрос – почему? Боялся, что Круг разгадает его тайну?

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 21–21 об.

⁴² Там же. Л. 25–25 об.

Однако лишь год спустя (а именно – в письме к Кругу от 28 июля 1819 г.) Газе смог, наконец, с торжеством известить: «Мы покончили со Львом, и мне уже выдали полный экземпляр на веленовой бумаге, в котором я, по здешнему обычаю, заставил раскрасить в разные цвета медные украшения (? – *in dem ich die Kupfer bunt mahlen lasse*) и который я тотчас после этого передал посольству для отсылки канцлеру {...} Так как у нас будет лишь 25 экземпляров на веленовой бумаге, канцлер, может быть, разрешит мне выделить один из них для императора (я его потом сопровожу письмом) и при этом рассчитывать на Ваше ходатайство»⁴³. «В последних числах августа, – пишет он в письме от 9 сентября 1819 г., – я сдал в посольство второй пакет (первый Вы, должно быть, уже давно получили). В нем содержатся: 1) Письма к Вам⁴⁴. 2) Роскошный экземпляр Льва, с разрисованными медными украшениями – для канцлера. 3) Письмо к нему. 4) Выдержка из моего предисловия, написанная, как вы мне советовали, по-французски. 5) Экземпляр Льва для императора. 6) Письмо к нему. 7) Счета, касающиеся печатания Льва. 8) Письмо к г-ну Келеру. 8) 4 тома “*Art de verifier les dates*” – для Вас. Одновременно 120 экземпляров для канцлера отправлены через барона Мериана⁴⁵ в Гавр de Grâce и теперь наверняка находится уже в море»⁴⁶.

Увы! На этом перипетии еще не закончились: 27 октября 1819 г. Газе шлет Кругу полное отчаяния письмо, в котором говорится: «Почтеннейший друг, действительное злое рока, который, как кажется, преследует меня и готов лишить меня остатков духа, все еще продолжается. Несколько дней тому назад я узнал из газет (*Journal des Débats, mercredi 20 Octobre*), что судно, на котором находилось 124 (а не 150, как сказано в репортаже) экземпляра Льва, затонуло. В посольстве не дали себе труда известить меня об этом. Как только море снова откроется, я, естественно, вышлю канцлеру 100 других экземпляров, но те 24, которые на веленовой бумаге, уже не восполнить. Кажется, впрочем, что экземпляры были застрахованы (на сколько, я скоро через г-на Мериана узнаю) и, таким образом, у нас, пожалуй, еще достаточно денег на печатание Пселла. Но так как здешнее министерство настаивает на том, чтобы забрать себе 100 экземпляров (Льва), а напечатано всего 400 (причем, я уже раздал несколько в здешние журналы), то экземпляры будут большой редкостью. Не мог ли бы канцлер довольствоваться 60-тью или 80-тью, с тем, чтобы мы смогли послать еще несколько в Германию или Англию? Впрочем, я во всем с благодарностью и с радостью последую Вашему совету.

Есть и вторая неприятность: неслыханная небрежность здешнего (русского. – И.М.) посольства. Позавчера я получаю письмо канцлера из Гомеля в Бело-

⁴³ Там же. Л. 28. Имеется в виду ходатайство о награждении Газе русским правительством орденом св. Владимира, чего Газе долго добивался и в конце концов получил. См. об этом: *Медведев И.П.* К вопросу о неподлинности так называемой Записки Готского топарха (в печати). Содержание письма повторено в письме Газе от 9 августа 1819 г. (л. 27), так как он предположил, что письмо не дошло до адресата. Но оно дошло, и 14 августа 1819 г. Круг уже смог написать графу Румянцеву: «*Mr. de Krusenstern, assis près de moi, lorsque j'écris cette lettre, m'est témoin, avec quelle joie je reçois la lettre que le postillon m'apporte dans ce moment de la part de Mr. Hase. Enfin tout est heureusement achevé, et en peu nous aurons Léon ici. Deux paquets, envoyés à mon adresse il y a quelques mois, ne me sont pas encore rendus*» (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 42 об.).

⁴⁴ По-видимому, имеется в виду письмо Газе от 28 августа 1819 г., и поскольку оно дошло (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 35–36 об.), то это означает, что и все содержимое «пакета», о котором идет речь, также, в конце концов, стало достоянием петербуржцев (см. об этом ниже).

⁴⁵ *André-Adolph de Mérian* (1772–1828) – барон, филолог, дипломат, еще молодым приехал в Петербург, трудился в канцелярии Министерства иностранных дел.

⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 30.

руссии, в котором он утверждает, что не получил посылки, которая “должна была содержать предложения Сен-Мартэна”. Я бегу с ним в посольство. Г-н Шредер не мог говорить, поэтому меня отсылают к Шпису. Я спрашиваю его о пакете, который я еще весной отдал в посольство. Он отвечает, что “уже не помнит” и оставляет меня стоять. Вообразите, как отвратительны такого рода сцены, когда я, несмотря на мягкость своего характера (ибо я никогда не позволял себе какую-либо нетерпимость) и несмотря на уважение, которым, мне кажется, я пользуюсь в Париже, должен просить у этих молодых людей и их слуг как о милости разъяснения. К счастью, моим делом занялся г-н Лавенский, смутно вспомнив, что в передней у г-на Шредера лежит пакет; он ведет меня туда, и мы находим ящичек, который я около 25 августа передал туда и о котором никто с тех пор не позаботился. В нем – экземпляр на веленовой бумаге для канцлера, другой – для императора и т.д., как вы знаете теперь, пожалуй, из моего письма, отправленного в сентябре отсюда по почте. Я ужаснулся, найдя пакет еще здесь; “будьте покойны, – сказал мне Лавенский вежливо, – он уйдет как можно раньше, через месяц или два, а то и три, мы еще не знаем точно”. О предыдущем пакете ему ничего не было известно, но он вызвался провести меня повсюду с намерением поискать его, и действительно – мы нашли его, в конце концов, в соседней с канцелярией комнате. Правда, он был несколько большеват из-за 14 томов “*Art de vérifier les dates*”, которые я в него вложил, и я помню, что уже имел по этому поводу спор с г-ном Шписом. Но все же мне должны были бы прямо сказать, что отправить не смогут, а не оставлять его валяться 7 месяцев в углу. Как объяснил мне теперь Лавенский, ни один курьер не смог взять его с собой из-за его величины, так что было решено вернуть его мне (после 7-месячной задержки); “мы, мол, сделаем из него три или четыре пакета, которые мы вышлем поочередно”. Это было 20 октября. В следующие дни, когда у меня работали над меньшими по размеру ящиками, посольство, кажется, получило от канцлера *epistolam flagitatoriam* и г-н Шредер написал мне, что я могу оставить большой пакет в прежнем виде, но зато второй надо было опломбировать. Теперь он хочет оба пакета отправить не с курьером, а с извозчиками. Так что завтра я снова отправлю ему оба ящика (...). Так как я считал, что Вы и канцлер уже получили посылки, я начал распределять несколько экземпляров по здешним газетам, для объявлений. Некоторые из наших газет уже высказались о графе с большой похвалой. Но сейчас я приостанавливаю дальнейшее распределение, пока не узнаю, что предназначенные для Вас экземпляры уже находятся в Вашем распоряжении. Одобрение, с которым встречают здесь труд (это и с Вашей стороны должно было быть так), несмотря на все превратности, настраивает меня на бодрую ноту, и мне радостно видеть, что ученый мир благодарен графу за его великодушные пожертвования. Вашему брату (Леопольду Кругу, проживавшему в Берлине. – *И.М.*) отправлен экземпляр с письмом от меня. Порадуйте меня получением от Вас доброго слова, позвольте порекомендовать Вам императорский экземпляр, оцените благожелательно, как прежде, наше предписание перед канцлером и перед другими людьми, и всего Вам доброго. Я никогда не перестану быть Вам преданным, с нежной любовью и благодарностью»⁴⁷.

Эпопея с пересылкой продолжалась, однако, и далее. Вот несколько свидетельств из писем Газе – от 3 декабря 1819 г.: «Мои письма, из которых последнее, мне кажется, датируется серединой октября, отправлено по почте, Вы, наверное, уже получили, как и оба экземпляра Льва на веленовой бумаге, один – для графа, второй – для императора. Будьте любезны, похлопочите в отноше-

⁴⁷ Там же. Л. 30–31 об.

нии последнего. Прочие 25 экземпляров на веленовой бумаге, как и 100 на обычной, затонули во время кораблекрушения, но они были застрахованы на 4800 фр., из каковой суммы, как полагает Мериан, действительно и любезно занимающийся этим, 4500 фр. или около этого будут выплачены нам; 300 фр., наверное, пойдут на покрытие непредвиденных расходов. Естественно, я возмещу графу утрату, как он хочет – 60, 80, 100 или 125 экземплярами (как он и Вы пожелаете)»⁴⁸; от 30 декабря 1819 г.: «Пользуюсь отъездом г-на Тургенева, чтобы отправить с ним это письмо, в которое я вкладываю еще одно – к графу, и одну тетрадь “Леонины” или “Леонианы”. Вы видите, что наше предприятие находит одобрение; все эти похвалы относятся, собственно говоря, на Ваш счет, ибо без Вас мой бедный Диакон, пожалуй, все еще лежал бы в своем уголке неопубликованным. От канцлера я получил письмо от 6 ноября. В нем он говорит мне об утрате 124 экземпляров следующее: *en tout cas c'est à moi seul et sans que cela vous concerne, à en supporter la perte.* 124 экземпляра были застрахованы на 4506 фр. (пожалуй, слишком мало). Если канцлер (которому я в любом случае вышлю 125 других, ибо все издание является его собственностью) хочет, чтобы я сохранил эти 4506 фр., то я могу на это согласиться лишь при том условии, что он окажет любезность – подумать о нашем издании Пселла в другом месте (...) Сделайте все от Вас зависящее с экземплярами для императора. С большим нетерпением ожидаю я от Вас вестей, которых был лишен столь долго. Не забывайте, что Ваше удовлетворение моей работой и мной самим принадлежит к тем вещам, которые я ценю выше всего на свете. Успокойте меня поэтому дружеским словом и позвольте мне повторно высказать Вам заверения в моей благодарности, нежной любви и почтении»⁴⁹; от 30 января 1820 г.: «Как только откроется море, я отправлю по адресу канцлера 50 экземпляров Льва, на двух разных судах; разрешите, кроме того, и специально для Вас приложить еще несколько экземпляров, ибо я не простил бы себе, раздаривая здесь так много, не дать Вам, которому я ими всеми обязан, и одного-единственного»⁵⁰; и хотя тема издания Льва еще раз не будет затрагиваться в дальнейшей переписке Газе с акад. Кругом и графом Н.П. Румянцевым (ее главным содержанием, впрочем, будет судьба других издательских проектов, прежде всего издания «Хронографии» Михаила Пселла), ограничимся сказанным и приведем в качестве заключения к данному затянувшемуся очерку еще одно письмо Газе (от 23 мая 1820 г.) – на сей раз к самому графу Н.П. Румянцеву (в моем переводе с французского; оригинал, как было сказано, будет опубликован в третьем выпуске «Архивов русских византистов»).

⁴⁸ Там же. Л. 34.

⁴⁹ Там же. Л. 45–45 об.

⁵⁰ Там же. Л. 46 об. По-видимому, именно реакцией Круга на получение этих писем Газе и (главное!) на получение вышеупомянутого «пакета» с экземплярами Льва Диакона стали его два письма к графу Н.П. Румянцеву: 1) от 25 февраля 1820 г.: *Enfin voila arrivés les exemplaires de Léon si longtems (sic!) attendus. Ces deux sont les seuls, qui existent sur velin. Je réitére mes instances auprès de V.E. de faire par Mr. Tourguéneff les démarches qui peuvent réaliser le désir que Mr. Hase m'a montré depuis longtems d'être décoré de la petite croix de St. Vladimir. Dans le tems (sic!) où Mr H. écrivait sa dernière lettre, il n'avoit pas encore la mienne; c'est pourquoi il ne parle que de 50 exempl. qu' il enverra. Cela est changé, il doit envoyer cent sur trois vaisseaux différents (Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 45); 2) от 26 февраля 1820 г.: *Monseigneur, si l'exemplaire de Léon est sur papier velin et surtout, si les gravures sont enluminées, s'est sans aucun doute celui qui a été destiné pour Votre Excellence. Pour le troisième exemplaire sur papier ordinaire, je ne doute pas que Mr. Hase ne l'ait envoyé dans l'intention que je le gardois pour moi; mais si V.E. en veut faire peut-être un autre usage quelconque [следует зачеркнуть: par exemple le donner en cadeau à quelqu'un] j'attendrai volontiers jusqu' à ce que les cent exemplaires nous viennent par mer, étant sûr, qu'alors Vous me ferez cadeau d'un autre exemplaire. Disposez en donc, Monseigneur, tout à fait selon Votre bon plaisir (Там же. Л. 46).**

«Монсеньор! Ваша светлость своими заверениями в удовлетворении, которыми Она сооблаговолила меня почтить, добавляет немало к тем многочисленным обязательствам, которые у меня уже есть перед ней, и я могу сказать, что в атмосфере всеобщего одобрения, которым пользуется предприятие, Ее исполненное благожелательности слова – это то, что льстит мне и что больше всего меня одобряет. Как я обязан г-ну Кругу за то, что он представил меня Вашей светлости! И как я рад тому направлению, которое приняли мои занятия! Этому я обязан счастьем быть известным Вам, Монсеньор, в каком-то роде присвокупить (с помощью данной серии публикаций) мое имя к бессмертию Вашего. Письмо Круга, только что мною полученное, содержит изложение взглядов Вашей светлости на те работы, которые нам еще предстоит предпринять, – взглядов, к которым я полностью присоединяюсь. Том Льва повсюду встречен с таким воодушевлением, что мы смело можем заказывать тираж томов следующих публикаций по 500 экземпляров каждый. Я даже жалею, что мы не сделали этого для Льва, которого издали только тиражем в 400 экз. 50 из этих экземпляров, подлежащих тиражированию, я тотчас отправлен бы Вашей Светлости; для себя я сохранил бы 100, если Ваша Светлость не против; а остальные 350, отданных тому из книгопродавцев, который предложит большую цену, позволили бы покрыть часть расходов, требуемых на напечатание следующего тома (...) 100 экземпляров Льва, предназначенные для Петербурга, уже упакованы и первая посылка (50 экз.) ушла уже три недели назад, как Ваша Светлость увидит из приложенной квитанции. Остальные 50 будут высланы через несколько дней⁵¹, также стараниями барона Мериана, который также был под большим впечатлением от выраженных в Вашем письме чувств удовлетворения. (...) Я не могу завершить мое письмо, Монсеньор, не засвидетельствовав Вам снова мою благодарность за Ваши лестные для меня слова о моих работах. Вы изволите сказать, что издание Льва – это услуга, оказанная Вам. Напротив, это Вы, Монсеньор, Вашей щедростью и Вашим великодушием оказали величайшую услугу

⁵¹ И с этим не обошлось без недоразумений: если первый ящик с 50 экземплярами действительно дошел до назначения, то второй затерялся. Так, 11 ноября 1820 г. Круг пишет Румянцеву: *J'avois mandé à V.E. d'avoir enfin reçu la caisse avec les exemplaires grecs de Léon, attendus si longtems, et d'avoir demandé à Mr. de Fock la permission d'en pouvoir ôter le plomb (...)* Mais quel mon étonnement, lorsque j'ouvrais la caisse et la trouvois pleine non d'exemplaires de Léon, mais livres qui appartiennent à je ne sais qui? C'est un nouveau contretens. Il est vrai qu' on me dit aujourd'hui, que deux vaisseaux venus de Rouen, sont entrés dans la port de Reval, et que notre caisse peut se trouver sur un de ces vaisseaux; mais c' est toujours incertain et d'autant plus facheux que je les croyais déjà avoir dans mes mains. Il est encore heuraux que je n'ai distribué sur ce nombre qu'un seul exemplaire, celui que le Comple de Bray a envoyé à l'Académie de Munnich. Pour l'exemplair pour notre Académie, je le prendrai de M. Hipping (Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 62). То же самое Круг написал и Газе в письме от 30 декабря 1820 г., с добавлением: *Bald darauf besuchte mich Campenhausen, und erzählte mir, er habe Nachricht, dass mehrere Bücher Kiste, die H.v. Merian für ihn besorgt, in Kronstadt seien und vielleicht befinde sich die Meinige darunter; doch auch in dieser Hoffnung bin ich getäuscht worden. Ich bitte Sie nun dringend, genau Nachforschung anzustellen, was aus Ihrer Sendung geworden ist. Wahrscheinlich befindet sie sich noch in Frankreich, gewiss sehr wider Wunsch und Wollen des H.v. Merian, der so gütig war, für die Absendung zu sorgen* (Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 233). «Непонятной невяжкой второго ящика, – отвечает ему Газе письмом от 15 февраля 1821 г., – я напуган и частично сам навел все возможные справки, частично попросил г-на Мериана сделать то же самое. От него я узнал, что торговый дом Contard отправил ящик по адресу графа Романцова, а не Краузе, как я сообщал. Так что ящик, вероятно, прибыл в Петербург, на таможеню, и там лежит, тем более что граф отсутствует. Иначе, по мнению Мериана, задержка непонятна. Будьте любезны, справьтесь на таможене, нет ли там чего-нибудь для графа, и известите меня поскорее. Здесь ничего не залежалось; в Руане, по всей вероятности, тоже. Но если ящика в Петербурге нет, то он там, в Руане; я его наверняка разыщу, как только смогу отправиться туда сам. Для этого понадобится 24 часа» (Там же. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 65). В конце концов, дело, по-видимому, завершилось успешно.

науке, возведя вместе с тем вечный памятник славе древних героев Вашей родины. Если я имел счастье добиться одобрения ученой Европы, то гораздо меньше я обязан этим моему жгучему желанию завершить порученный мне Вами труд достойным Вас образом; это влиянию Вашего имени мы обязаны всем успехом нашего предприятия, как мы обязаны были Вашей щедрости, чтобы иметь средства начать его»⁵².

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. «Записка: кому разосланы экземпляры Льва Диакона на греческом и латинском языке чрез Ф.Ив. Круга»

[ПФА. РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 133. Л. 5–6 об.].

а) Френу, Сухтелену, гр. Турну, Вилхену, Добровскому, в Эдинбург, Минхенской (sic!) Академии, Петербургской Академии наук, Кёлеру; 10 и 11 – самому г-ну Кругу.

в) Разосланы через Нестеровича: 12. Тургенеу; 13 и 14 – в Москву для Е. Пр-ва Малиновского и для Архивной библиотеки; 15) Его Пр-ву Сперанскому.

с) Разосланы чрез Гр. Дан. Богацкого: 16. Его Преосв-ву Митрополиту С.-Петербургскому; 17 и 18. Его Пр-ву Митрополиту Московскому; 19. Его Пр-ву Архиеп. Псковскому Евгению.

д) Разосланы чрез Анд. Давыд. Гиппинга: 20. В Абовский ун-т; 21 и 22. Вашему Сиятельству в Гомель⁵³.

е) Разосланы чрез Званцева: 23. В Константинополь к Бутенеу.

ф) Кому еще разослать сей книги следует по назначению Вашего Сиятельства: 1 экз. в ун-т С.-Петербургский; 1 в ун-т Московский; 1 в ун-т Виленский; 1 в ун-т Харьковский; 1 в ун-т Казанский.

г) В чужие края в ученые общества: 1 экз. В Гетинское (sic!); 1 – Готенбургское; 1 – в Академию Берлинскую; в Библиотеки Королевские: 1 экз. – в библиотеку Оксфордскую; 1 – в б-ку Лейденскую; 1 – в б-ку Копенгагенскую; 1 – Стокгольмскую.

Господам: 1 экз. – Мюрею; 1 – Лезли; 1 – Мюнтер; 1 – Эйштет (sic! Имеется в виду: Н.К.А. Eichstaedt); 1 – Бетигер (sic!). Да еще: 1 экз. – Крузенштерну; 1 – Аделунгу; 1 – Грефу (sic!); 1 – Попову; 1 – Гавеншильду; 1 – Карамзину; 1 – Уварову.

II. Письмо И.Ф. Крузенштерна к Джону Меррею от 20 сентября 1820 г. с извинениями о высылке ему экземпляра Льва Диакона.

[ПФА. РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 41. Л. 22].

⁵² ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 53–54 об.

⁵³ В Библиотеке С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН наличествует экземпляр парижского издания «Истории» Льва Диакона, принадлежавший самому Н.П. Румянцеву, о чем говорит его собственноручная дарственная запись: «Государственный Канцлеръ, виновникъ издания Льва Диаконова (sic!), сочинение, сей экземпляръ посвятить Библиотеке Зоя Павловича Зосимы, питая к нему особое почтение, яко к любителю общаго Блага и именно народного просвещения. Графъ Николай Румянцевъ, Гомель. 22 октября 1820 года». Есть еще помета на листе контртитла: «Ф. Успен(ски)й 20 дек. 1900 г. К-поль». Экземпляр, таким образом, побывал в Библиотеке Русского археологического института в Константинополе.

S. Petersburg
the 20 Sept. 1820.

Sir!

Count Romanzoff has requested me to send you a copy of the History of Leo Diaconus, which has at his expense been translated et printed at Paris. This work has a chance of becoming a very scarce one, since only 400 copies have been printed, out of which 125 were lost last year in a ship from France to Russia. Count Romanzoff had the intention of adding for your library a work printed at his expense at Moscow, containing the only collection of state papers that exists till now in Russia, but as this important work is not completed jet (the 3d. Vol. is under the press in large folio), he wishes to wait for its perfect termination ere he sends it to you.

I have the honner to be Sir with much respect

Your most obedient servant.

Krusenstern.

To John Murray Esquire
Albemarly Street.